

**Ирина
Волчок**

Ирина
Волчок

ПРАЙД
ОКАЯННЫХ
ФЕМИНИСТОК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
B67

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Все люди — разные»

Оформление — Элина Кунтыш

Волчок, Ирина.

B67 Прайд окаянных феминисток : [роман] /Ирина Волчок. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Все люди — разные).

ISBN 978-5-17-119504-5

Очень нервное дело — одинокому мужику тринадцать лет воспитывать сестру, которая младше на двадцать лет. И которая делает все для того, чтобы он либо так и остался одиноким, либо женился на той, которую она сама для него выбрала, — вот на этом чучеле в старом полосатом халате, с бумажкой, прилепленной на носу, и с охотничьим ружьем в руках, направленным ему в живот...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© И. Волчок, 2020
ISBN 978-5-17-119504-5 © ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Наконец-то Бэтээр впал в бешенство. А кто бы на его месте не впал? Он и так слишком долго сдерживался из последних сил. Даже аутотренингом занимался. И дыхательную гимнастику делал. Все это помогало, и даже очень хорошо помогало — как раз до того момента, когда Пулька выкидывала свой очередной фокус. Знакомые говорили: переходный возраст, тут уж ничего не поделаешь. Классная руководительница говорила: пубертатный период, необходима женская забота. Врач, к которому он, доведенный до отчаяния, однажды отволок Пульку чуть ли не за шкирку, сказал: нормальный ребенок, здоровый и умный, витамины, свежий воздух, и помягче вы с ней, помягче... Куда уж мягче-то? За всю жизнь он ее даже не шлепнул ни разу, хотя очень хотелось, и не один раз. Переходный возраст, как же! Да у нее всю жизнь переходный возраст. И насчет женской заботы эти советчики тоже пальцем в небо... Он еще семь лет назад пытался организовать Пульке женскую заботу. И пять лет назад. И два года назад. И все эти попытки заканчивались паническим бегством потенциальных жен от откровенной Пулькиной враждебности.

ти, от ее злочиных вопросов и бесцеремонных комментариев. Ну, и от него, естественно. Он всю жизнь прячет от нее своих подружек. Это что — жизнь?! До того дошло, что в последнее время и прятать некого. Ей никто из его подружек не нравился. Все они, видите ли, крашеные дуры, вонючие обезьяны и визгливые свиньи. И это еще не самые резкие характеристики, которые эта мелкая пакостница выдавала не задумываясь. Даже в школе у нее не было подруг... ну, почти не было. Только Тоська и Нюська, но эти не считаются, эти — точные копии Пульки, надменные кошки... котята, гуляющие сами по себе. Даже удивительно, как, при их-то надменности и самодостаточности, эти котята все-таки сбились в один прайд.

Кому из них позвонить-то? Наверное, Тоське, она все-таки самая вежливая из всего этого прайда.

— Да! — нетерпеливо сказала трубка Тоськиным голосом с Пулькиной интонацией.

— Привет, Тонь, это брат Полины... Узнала?

— Да, — еще нетерпеливее сказала Тоська. — Коротко и по делу. Мне некогда.

Некогда ей! Занята она! Интересно, чем это таким срочным могут быть заняты четырнадцатилетние бездельницы посреди летних каникул?! Бэтээр с трудом задавил в себе новый приступ бешенства и как можно спокойнее сказал:

— Полина оставила записку, что поехала к тете Наташе, а адрес я забыл. Она мне срочно нужна.

— Тетя Наташа? — ехидно спросила Тоська. Абсолютно Пулькина интонация.

— Нет, Полина, — обреченно ответил он. Собрать бы их всех вместе и выпороть. — Мне адрес тети Наташи нужен. Ты не знаешь?

— Мужики, — презрительно буркнула Тоська. — Мрак. Адрес прямо перед тобой. Под серой ветровкой. Склероз дремучий.

И повесила трубку.

Бэтээр осторожно положил трубку, борясь со жгучим желанием грохнуть ею об пол, долго смотрел на серую Пулькину ветровку на вешалке прямо над телефоном, потом представил, что эта ветровка как раз сейчас на Пульке, и не выдержал, со всего размаху влепил ладонью по ветровке — по тому месту, где была бы Пулькина задница, если бы ветровка была на ней... Настоящего удара не получилось — скользкая невесомая ткань шарахнулась от его руки, как от ветра, а потом не спеша вернулась на место, насмешливо виляя хвостом. Бэтээр погрозил куртке кулаком, дождался, когда она перестанет вилять, и осторожно отодвинул ее в сторону. Под курткой на обоях был действительно записан адрес: «Выселки, Гагарина, 12». А под адресом крупно: «ЛЮБОВЬ!» Ничего себе, а? Это что ж там за тетя Наташа такая? А может, там не только тетя Наташа? Может, у этой тети Наташи сынок какой-нибудь? Какой-нибудь распущенный безбашенный юнец... Или вовсе никакой тети Наташи в природе не существует, и по этому адресу — целая толпа распущеных безбашенных юнцов? В пубертатном периоде!

Бэтээр в ужасе схватился за телефон, чтобы немедленно звонить Тоське и вытрясать из нее всю правду, — пусть

хамит, ничего, главное — сейчас инфаркт какой-нибудь не заработать, а потом он с ними со всеми разберется, сколько можно терпеть, в самом деле... Телефон под его рукой противно заблеял частыми междугородными звонками. Мать. Вот только этого и не хватало для полноты жизни.

— Тимур! — крикнула мать трагическим шепотом, не поздоровавшись. — Николай Иванович умер!

— Как — опять?! — неприятно поразился Бэтээр.

— Что значит — опять?! — возмутилась мать. Ничего трагического в ее голосе уже не было. — Николай Иванович раньше не умирал! Николай Иванович в первый раз умер!

— Да-да, конечно, — торопливо откликнулся он, пересовывая фломастером адрес с обоев на запястье. — Я имел в виду, что тебе опять не повезло... Что с ним случилось-то? Тебе какая-нибудь помочь нужна?

— Кто мне теперь поможет? — опять с трагическим выражением прошептала мать. — Ты вряд ли поймешь меня... Одиночество — это так страшно!..

— Нет, почему, я понимаю, — соврал он.

Никогда он ее не понимал. Когда-то, правда, пытался... Но очень скоро и пытаться перестал. Его мать была неземным созданием. Земные создания по определению ее понять не могли.

— А когда он умер-то? — спросил Бэтээр, послушав трагический шепот матери и какой-то мужской голос, повторяющий с ласковой укоризной: «Инночка, не волнуйся, тебе вредно... Подумай о своих нервах... Подумай о моем сердце... Нельзя так, Инночка...»

Следующий кандидат в покойники, что ли? Вот бедолага...

— Николай Иванович умер две недели назад, — торжественно сказала мать. — Ровно две недели я совершен но одна! Как это тяжело, ты не представляешь!

Голос за кадром заволновался: «Инночка! Выпей кашельки!»

— Сочувствую, — серьезно откликнулся Бэтээр, поглядывая на часы. — Тебе деньги нужны?

— Что такое деньги? — возмутилась мать. — Разве все деньги мира способны вернуть жизнь одному человеку?.. Хотя, конечно, сейчас я осталась абсолютно ни с чем! И наследство можно получить только через полгода! Ты не представляешь, как это тяжело!..

— Я тебе завтра вышлю, — пообещал Бэтээр. — Сегодня уже не успею, мне за Пулькой еще ехать. Сбежала...

— Почему она сбежала? Может быть, ты с ней плохо обращаешься? Ты ее наказываешь? Ругаешь? Тимур, я тебя умоляю, будь с ней поласковее! Маленьkim детям нужна ласка. И нежность, и забота, и любовь... Тогда они расцветают, как цветы под дождем...

Он хотел поправить: под солнцем, а не под дождем. А потом подумал: может, на той планете, откуда свалилось это неземное создание, цветы расцветают именно под дождем. Под золотым дождем, например. Яркие, маxровые, неземные цветы расцветают под золотым дождем, раскрывают алые рты ... то есть лепестки, конечно, ловят ими золотой дождь и трагически шепчут: «Как это тяжело!»

Одна польза от разговора с матерью — его бешенство исчезло. Почти. Правда, прибавилось раздражения, но это пусть, это его привычное состояние, если дело касается Пульки. Ну, ничего. Он как-нибудь справится. До сих порправлялся же... Все-таки какое счастье, что все эти годы рядом не было матери! С двумя он бы точно не справился, даже с помощью тети Варя.

И все время, пока бегал к Ваське за ключами от гаража, и пока выводил их новый представительский джип, потому что после утреннего ливня по этим Выселкам ни на чем другом не пролезешь, и пока заезжал на заправку, и потом, уже крутясь по узким глинистым переулкам, раскисшим до центра Земли, Бэтээр думал о том, что им с Пулькой, что ни говори, действительно повезло — рядом была тетя Варя, а матери рядом не было.

Бэтээр не любил мать. Не в том смысле, что относился плохо, ненавидел, презирал или еще какие-нибудь глупости... Нет, плохо не относился. Никак не относился. В общем, не любил.

А когда бы он ее смог полюбить? Его отец, первый муж матери, умер, когда Бэтээру было три года. Он совсем не помнил отца. И мать почти сразу забыл, потому что она очень быстро опять вышла замуж и куда-то уехала, оставив его с тетей Варей. Тетя Варя была вообщем-то не тетей ему, да и его матери тоже... Тетя Варя была, кажется, двоюродной сестрой его бабушки, просто так получилось, что она всегда жила в семье, вот и считалась тетей. Больше в семье никого в живых не осталось, так

что мать отдала его тете Варе. Они с тетей Варей очень хорошо жили вдвоем несколько лет, а потом вдруг приехала мать — одна, потому что ее второй муж тоже умер, — пожила с ними немножко, и Бэтээр стал даже привыкать к ней, но она опять вышла замуж и стала жить в квартире мужа, потому что там не было никаких детей, никаких теток, никаких кошек, — вообще никого не было, кроме ее нового мужа, но он под ногами не путался. К ним с тетей Варей она никогда не приходила, и даже почти никогда не звонила, только перед тем, как он ушел в армию, пришла и сказала, что пока проживет с тетей Варей, потому что скоро родит ему братика или сестричку, а с маленьkim ребенком разве можно справиться одной? Совершенно невозможно. А у тети Вари все-таки есть какой-никакой опыт ухода за детьми, вот она и поможет, а то что ей одной в четырех стенах скучать? Когда он ушел в армию, мать переехала к тете Варе, и муж ее тоже переехал — наверное, ему тоже не хотелось в четырех стенах одному скучать.

Но когда Бэтээр вернулся из армии, в квартире уже не было ни матери, ни ее мужа, а были тетя Варя — слава богу! — и его полуторагодовая сестра Полина, которая уже вовсю ходила и вовсю говорила.

— Ты кто? — строго спросила она, внимательно разглядывая его с ног до головы.

— Тимур, — сказал он. — Твой брат.

— Б-р-т-р-р, — старательно повторила она.

— А ты кто? — Тимуру очень понравилась его сестра, и он хотел с ней как следует познакомиться.

— Пулька, — важно сказала она, похлопала себя растопыренной пятерней по пузу и деловито полезла к нему на руки. — Покатай. На шее.

С тех пор он и стал навсегда Бэтээром, а она — Пулькой, и стоило ему чуть зазеваться — она тут же садилась ему на шею. Тетя Варя говорила, что он сам ее балует. А кого еще ему баловать-то было? И сама тетя Варя Пульку баловала, ей тоже больше некого было баловать.

А мать похоронила своего третьего мужа, Пулькиного отца, продала его квартиру и уехала, а месяца через три позвонила и сказала, что вышла замуж, у нее вот такой новый адрес и вот такая новая фамилия. Всех фамилий матери Бэтээр не помнил, знал только, что в девичестве она была Авдеева, а потом Борисова, а еще потом, через какое-то промежуточное замужество, — Волкова, потому что он был Борисов, а Пулька — Волкова. А все остальные фамилии матери менялись слишком часто, и вообще дело не стоило того, чтобы их запоминать, тем более что никакого отношения они к жизни тети Вари, Бэтэера и Пульки не имели. Слава богу.

Только бы мать не надумала вернуться. Если бы тетя Варя была жива, он бы не так боялся. Тетя Варя всю жизнь была опорой мироздания и его личной каменной стеной. Тетю Варю мать почему-то опасалась... Сейчас ей опасаться некого, сейчас может, чего доброго, и вернуться... Как будто ему с Пулькой проблем мало.

Ага, вот он, номер двенадцать. Старенький совсем. Развалюха. Окошечки крошечные и почти у самой земли. Дверь низенькая, крылечко узенькое, ступенечки чернень-

кие, досочки, наверное, гниленькие... Убожество убогое. Чего это Пульке здесь как медом намазано? Не иначе — колдунья эта ее тетя Наташа. Старая ведьма, которая привораживает детей затем, чтобы, например... Ой, нет. Зачем старые ведьмы могут привораживать детей — об этом думать совсем не хотелось. И так он уже старается ни газет не читать, ни телевизор не смотреть. Хоть бы уж с Пулькой все в порядке было... А то ведь убьет он эту старую ведьму, ей-богу убьет...

Бэтээр выскочил из машины, торопливо обогнул ее, широко зашагал к перекошенной калитке в просевшем под тяжестью лопухов заборе, решительно взялся за трухлявые досочки...

— Стоять, — зловеще сказали откуда-то не от дома, а вроде бы справа.

И недвусмысленно лязгнул металл. Совершенно недвусмысленно — что, он звуков таких не слышал, что ли? У него тоже есть охотничье ружье. Кажется, здесь все гораздо серьезней, чем он думал...

Бэтээр осторожно повел глазами вправо, быстро оглядел небольшой огород, заросший до невозможности, две старые яблони посреди огорода, плотный куст диких роз... Никого там не было, и спрятаться, в общем-то, негде было. Разве только за этими розами...

— Руки, — сказал тот же голос.

Бэтээр оторвал ладони от трухлявых досочек калитки, слегка поднял руки и даже развел их в стороны: что, мол, такое? Я не вражеский лазутчик, я тут просто так гуляю, извините, если помешал... А сам лихорадочно придумы-

вал, как вызволить Пульку из этого притона бандитского. Ему бы только вызволить ее, а потом уж он так ее откупит... Отведет душу и за все прежние нервотрепки, и за сегодняшний свой черный ужас... Только бы вызволить ее, дуру пубертатную.

Из-за розового куста вышло чучело с ружьем наперевес. Чучело было в линялом полосатом халате, в белой кофтынке, в черных очках и с бумажкой на носу. Ружье чучело держало слегка небрежно, но очень профессионально. Очень, очень профессионально. И целилось ему в живот.

— Погодь, Талька, не пуляй! — закричал тонкий веселый голос из-за спины чучела, от забора, отделяющего соседний участок. — Погодь, я счас Михалыча позову... Михалыч! Иди скорей, Талька счас опять кого-то застрелит!

— Анастасия Сергеевна, не мешайте, — сквозь зубы сказало чучело по имени Талька.

— Не, мы не мешаем, мы тока поглядим чуток... — приговаривала старенькая Анастасия Сергеевна, деловито устраиваясь на табуретке по ту сторону соседского забора. — Михалыч, ну что ж ты такой медленный? Становь свою стулу вот туточки, отседова хорошо видать. Давай, Талька, пуляй, мы готовые...

Они и правда приготовились — два старых мухомора, мухомор со своей мухоморшей, — устроились с удобством, уставились с веселым интересом, ждут, когда его будут расстреливать. Слышал он о криминальной обстановке на этих Выселках, но чтоб до такой степени...

— Она что, правда выстрelить может? — недоверчиво спросил Бэтээр у этих зрителей.

Старый мухомор снисходительно усмехнулся, а стручка — безбожный одуванчик гордо сказала:

— А как же! Талька может! Ишшо ни разу не промахивалась... Она у нас мастер спорта по этому делу.

— Бред, — сердито буркнул Бэтээр. — Дичь какая-то. Средь бела дня, при свидетелях... Бред.

Ружье все так же смотрело ему в живот, и рука у чучела по имени Талька ни разу не дрогнула, и старые мухоморы ожидали выстрела в полной уверенности, что дождутся, — но Бэтээр почему-то перестал бояться. В бандитском гнезде так не бывает. Уж очень все... нервально. Театр. И Пульке скорей всего здесь ничего особо страшного не угрожает. Он до такой степени успокоился, что отвел глаза от чучела с ружьем и опять взялся за калитку.

— Так ты, подонок, своему быку не поверили, значит? — холодно спросило чучело и щелкнуло курком. — Или он тебе ничего не передал? Руки!

Бэтээр опять оторвал ладони от калитки и даже сделал шаг назад.

— Ниже бери, — со знанием дела посоветовала мухоморша от забора. — Слышь, Талька? Ниже, говорю, бери. А то давеча в черного стрельнула, а у него бронежилетка. Тока матерьял порвался...

— Может, вы меня с кем-то путаете? — с надеждой предположил Бэтээр. — Мне никакой бык ничего не передавал. У меня вообще никакого быка нет, и не знаю я